

УДК 398.21=82 (571.55)

ББК 82.3(4Рос)

Татьяна Владимировна Краюшкина,
доктор филологических наук,
Институт истории, археологии и
этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
(690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89),
e-mail: kvtpb@yandex.ru

Негативные межличностные отношения в русских народных волшебных сказках Забайкалья последней трети XX в.

В статье рассматриваются негативные межличностные отношения персонажей русских народных волшебных сказок. В качестве материала для анализа были отобраны тексты Забайкалья, зафиксированные в последней трети XX в. Сделаны выводы о том, что из четырёх форм негативных межличностных отношений в сказках Забайкалья реализованы лишь две: агрессия (в большей степени) и ненависть (в меньшей степени). Агрессия более продуктивна для развития сюжета, чем ненависть. Ненависть имеет замедленную реализацию, в то время как агрессия реализуется быстрее. Агрессивное поведение приписывается и отрицательным, и положительным персонажам, ненависть свойственна преимущественно отрицательным героям. Агрессивное поведение имеет две формы: словесную и физическую. Словесная агрессия осуществляется посредством оскорбления, ругани, насмешек, угрозы. Как правило, словесная форма агрессии не имеет ответной реакции унижаемого персонажа. Несколько иначе обстоит дело с физической формой агрессии: она в ряде сюжетов имеет ответную форму, причём обязательно воспроизводит её и по сути своей является защитной реакцией. Агрессивное поведение в большинстве случаев свойственно мужским персонажам, как отрицательным, так и положительным. Агрессия чаще всего направлена на мужских героев, если она адресована женским персонажам, то это связано с восстановлением справедливости (как с позиции героя, так и с позиции его противника) в той или иной форме (наказание за нарушение запрета, самозащита, восстановление главенства мужчины в семье). Ненависть обязательно реализуется через агрессию, причём физическое её воплощение.

Ключевые слова: русские народные волшебные сказки, Забайкалье, негативные межличностные отношения.

Tatiana Vladimirovna Krayushkina,
Doctor of Philology,
Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the RAS
(89 Pushkin St., Vladivostok, Russia, 690001),
e-mail: kvtpb@yandex.ru

Negative Interpersonal Relations in the Russian Folk Fairy Tales of Zabaikalye of the Last Third of the XX Century

This article discusses the negative interpersonal character of the Russian national fairy tales. The material, used for the analysis, was selected: Zabaikalye texts recorded in the last third of the twentieth century. The conclusions are made that the only forms two out of ones of negative were interpersonal relationships in the tales of Transbaikalia implemented: aggression (mostly) and hatred (to a lesser extent). Aggression is more productive for the development of the plot, than hate. Hatred has delayed implementation, and while aggression implemented faster. Aggressive behavior is attributed to negative and positive characters, hatred characteristic of predominantly negative characters. Aggressive behavior has two forms: verbal and physical. Verbal aggression is carried out through abuse, ridicule, threats. As a rule, the verbal form of aggression has no response humiliated character. Situation is somewhat different from the physical form of aggression: in a number of scenes it has a response form, and is sure to reproduce it, and in essence the a defensive reaction. Aggressive behavior in the most cases tends to male characters, both negative and positive. It is more directed to the male characters, aggression towards female characters associated with the restoration of justice (from the perspective of the hero, and from

the position of his opponent) in one form or another (the punishment for violating the ban, self-protection, restoration of the rule of men in the family). Hatred necessarily realized through the aggression, and physical embodiment of it.

Keywords: Russian folk fairy tales, Transbaikalia, negative interpersonal, relationships.

Русский фольклор, являясь специфической энциклопедией народных представлений о человеке, сохранил многообразие форм межличностных отношений, характерных для нашего этноса. Предпочтение тех или иных форм обусловлено спецификой жанра, развитием сюжетной линии и типами персонажей. Показательным, как представляется, является жанр русской народной волшебной сказки (благодаря продолжительности её существования и огромной популярности). В статье будут рассмотрены негативные межличностные отношения персонажей. Психологи выделяют три формы межличностных отношений: позитивные, нейтральные и негативные. К негативным относятся негативизм, неприязнь к другим (она проявляется в дискриминации, расизме, сексизме), ненависть и агрессия [5]. Самые продуктивные для развития сюжета – негативные межличностные отношения, а именно – ненависть и агрессия (для персонажей русских народных волшебных сказок не столь характерно выражение негативизма и неприязни к другим). В качестве материала для анализа были выбраны 45 русских народных волшебных сказок Забайкалья (преимущественно зафиксированных с 1968 по 1980 г.).

Ненависть и агрессия имеют точки пересечения: ненависть может выражаться в форме агрессии (а может и не иметь подобного выражения), как и в основе агрессии может лежать ненависть (или же отсутствовать). Ненависть, негативное отношение к другому персонажу часто реализуется в словесной форме. В сказках Забайкалья весьма популярны оскорбления в адрес другого человека, самое распространённое из них – *дурак, дура*. Характеристика героини, данная третьему лицу, выглядит так: «*Да она же дура, мы, гыт, её и за человека не считаем*» (*Чудесная корова и Золушка*) [3, с. 99]. Герой просит братьев дать ему лошадь – съездить посмотреть на царевну, но те отказывают ему: «*Сиди, сопляк, куда ты поедешь!*» (*Сивка-бурка и Победитель змея*) [3, с. 62]. Герой на оскорбление не реагирует, напротив, он и дальше продолжает просить, и вторая просьба услышана.

В той же ситуации братья называют героя дураком. В тексте Забайкалья используется оскорбление персонажа через другое лицо, ему дорогое. Мачеха и её дочери ругают богатого жениха за то, что тот остановил свой выбор на падчерице: «*А эти давай ругать: кого же, мол, дуру-то взял!*» (*Чудесная корова и Золушка*) [3, с. 99].

Видимо, близка оскорблениям ругань, которая описывается как действие, без конкретики. К ней персонажи прибегают, чтобы выразить своё негативное отношение, связанное с конкретным действием другого персонажа. Старший сын уходит из дома наниматься на работу, в оплату он получает чудесного барашка. Дома оказывается, что барашка подменили: «*Отец наругал старшего сына и сказал, что больше его никуда не отпустит*» (близко к *Чудесные дары*) [3, с. 201]. То же самое после происходит и со средним сыном.

Для сказки на сюжет *Конёк-Горбун* характерна реализация ненависти (оговор) одного персонажа, реализуемая через действия другого. Герой становится любимым конюхом царя, и другие конюхи из зависти решают его оговорить и отправить на верную смерть – доставать Жар-птицу. Это задание он и получает от царя. Когда же ему удаётся поймать и привезти Жар-птицу во дворец, это ещё более увеличивает неприязнь к герою других конюхов: «*Царь радый [Жар-птице]. Раз царь радый, значит, други конюха на Ванюшку осердились*» [3, с. 77]. Таким же образом герой отправляется добывать для царя Царь-девицу.

В русских народных волшебных сказках Забайкалья довольно часто реализуется модели угрозы: один персонаж, угрожая смертью, вынуждает другого сделать выбор, при этом другой персонаж находится от первого в зависимом состоянии, поскольку невольно нарушил запрет, о котором и не подозревал (или вторгся в чужие владения). В тексте реализуется неоднозначное представление о краже: если вор не пойман, то его действие – особая удача, и оно одобряется народной моралью. Если же вора ловят (при этом присвоение чужого может быть и неосознанным), то за это следует наказание,

акцент же в этом случае делается на недопустимости поступка, причём, это мнение приписывается пойманному, пойманный же ведёт себя как жертва, не пытается защищаться. Так, купец находит ореховые кусты и хочет сорвать ореховую веточку (гостинец для любимой дочери). Вдруг выскакивает медведь и кричит на него: «*Ты чё делаешь? Зачем мой орешник ломаешь? Я тебя за это съем!*» (*Аленький цветочек*) [3, с. 184]. Купец объясняет, что это для его дочери, тогда медведь сохраняет жизнь купцу в обмен на брак с его дочерью. Царь в чужом саду рвёт яблоко, в это время его за руку хватает дед на железных костылях. Старик говорит царю: «*Что ты делаешь?! Теперь я тебя могу убить, несмотря на то, что ты царь! Вот отдай мне то, чё ты дома не знаешь, тогда я тебя отпущу*» (*Отдай, чёго дома не оставил и Незнайка*) [3, с. 80]. Таким образом, царь лишается долгожданного ребёнка.

В сказке о Сером Волке действие Царевича воровством не называется, хотя таким является по своей сути. Если первый царь, поймав героя на краже Жар-птицы, вору не угрожает, предлагает в обмен на золотогривого коня отдать ему Жар-птицу, то второй царь, владелец золотогривого коня, ведёт себя иначе. Любопытно, что в тексте осуждается не воровство, а жадность Царевича, повлёкшая воровство свыше необходимого, из-за которой он и пострадал: «*Увидел коня, на нём золото седло. Он обзарился – чё же, тако седло! <...>*» (*Царевич и Серый Волк и Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену*) [3, с. 89]. Охрана ловит Царевича и приводит к царю: «*Но зачем ты нарушаешь правила-то. Я же тебя расстрелять могу!*» [3, с. 89]. В результате царь предлагает герою щадящее условие: он сохранит ему жизнь и даже отдаст золотогривого коня, если тот приведёт к царю царевну.

Старик, вступив в сговор с сыном, обманывает купцов: продаёт им своего ребёнка, а тот от них сбегает. Купцы приходят к старику выяснить, куда его сын дел весь их товар, но в ответ слышат угрозу: «*Это вы куда моего сына подевали? Я вас сейчас в тюрьму посажу! Отыскивайте мне сына!*» (*Мальчик с пальчик и На хвосте у волка*). После этих словесных нападок купцы уезжают, не добившись своего.

Впрочем, угроза в сказках Забайкалья может быть своего рода проверкой героя, задачей которого является не поддаться на них. Так, герой похищает платье девушки-утицы. Та обнаруживает пропажу и угрожает: «*Кто моё платье взял? Разорву! Чичас съем! Целиком сглочу*» (*Отдай, чёго дома не оставил и Чудесное бегство*) [3, с. 154]. Но поскольку герой не выходит из укрытия, девушка меняет форму поведения на более продуктивную: она предлагает закрепить родственные отношения с незнакомым человеком, которые будут зависеть от его половой принадлежности и возраста. В этой же сказке говорится о том, что герой, отданный отцом антагонисту, приходит к тому во дворец. Наученный Царь-девицей, герой не показывает страха перед антагонистом, хотя тот угрожает ему: «*Чичас съем! Чичас разорву*» [3, с. 156]. Герой не реагирует на угрозы и этим сохраняет собственную жизнь.

Угроза уничтожения в сказках Забайкалья может быть связана с мотивом получения невесты, к этому способу всегда прибегает отрицательный персонаж. К царю приходят гонцы с требованием от трёх братьев-богатырей выдать «*свою старшу дочь за старшего брата. А если не выдашь, то войной на тебя пойдут!*» (*Отдай, чёго дома не оставил и Незнайка*) [3, с. 84]. Царь не принимает сам решения: его старшие дочери замужем, это решение принимают их супруги, при этом важен акцент на семейных отношениях: они соглашаются отстоять не жену одного из них, а «*старшу дочь*» царя.

Средний брат-богатырь свою агрессию обосновывает уже иначе, получение царевны выглядит как компенсация: «*Зря успокоился, царь! Я иду на тебя войной, буду мстить за старшего брата <...>! А среднюю твою дочь себе в жёны заберу*» [3, с. 85]. В третий раз мотив мести за убитых братьев нивелируется, но при этом появляется личная угроза царю, именно она царя больше всего и печалит (предыдущие угрозы разрушить царство столь сильных эмоций у него не вызывали): «*Готовь свою младшую дочь мне в жёны! Если будешь возражать, я всё твоё царство пожегу, а тебя в плен возьму и на кол посажу!*»

Царь расстроился: «*Чё же, серьёзна записка*» [3, с. 86].

Ситуация выбора представлена и в сказке с контаминацией сюжетов *Сивка-бурка* и *Победитель змея*: каждый год трёхглавый змей требовал себе на съедение девушку. Дошла очередь и до царя. Перед царём стоит выбор: «А у него одна дочь, и эту дочь надо отправлять змею на закуску. А не отправит – он всё государство уничтожит» [2, с. 131–132]. В этом тексте даже не описывается сложность выбора: спасти единственную дочь и допустить смерть всех граждан или же отдать дочь на смерть и этим сберечь остальные жизни. Персонаж, совмещающий в себе две функции – царя и отца, – делает выбор как государь: он жертвует одной жизнью (пусть и самой дорогой для него) и этим сохраняет другие, в том числе и собственную.

Выбор может стоять и перед самой потенциальной невестой. Так, повествуется о трёх сёстрах, которые поочередно попадают в дом к медведю. Происходит один и тот же диалог, где медведь сначала убеждается, что девушка не замужем (она носит еду на полу отцу, а не мужу):

– А я <...> отцу хлеб понесла.

– А замуж за меня пойдёшь?

– Нет, не пойду.

– Но дак я тебя съем!

– Но пойду (*Медведь и три сестры*)

[3, с. 141].

Перед героем часто ставится выбор, от которого зависит его дальнейшая жизнь. В сказке на сюжет *Конёк-Горбун* оба варианта выбора кажутся герою идентичными. Так, царь приказывает герою прыгнуть в котлы со студёной, кипячёной водой и с кипящим молоком. Герой отказывается, тогда царь угрожает Ванюшке казнью: «Не выполнишь – мой меч, твоя голова с плеч!» [3, с. 79].

Словесная угроза реализуется перед богатырской битвой. Герой приходит биться за царевну с другим богатырём, тот использует традиционную для таких случаев словесную формулу, содержащую уничтожение персонажа и угрозу его жизни: «Это что за чудо к нам прислали? Положу сейчас тебя на правую ладошку, левой прихлопну – мокро место останется!» (*Отдай, чего дома не оставил и Незнайка*) [3, с. 85]. На что герой в ответ предлагает не опережать события: «Не торопись! Сначала давай в бою силы испытаем!» [3, с. 85]. В результате становится победителем, при этом описание

бога богатырём, как это принято в русской народной волшебной сказке, лишено эмоциональной окраски, оценки сказочника, поведение героя и его противника не описывается агрессивным: «Вот разъехались они, потом поскакали друг на друга. Иван богатырю сразу голову отсёк, войско его конём потоптал, других братьев в бегство обратил» [3, с. 85].

В другой сказке герой приезжает защитить царевну, отданную змею на съедение. Появляется антагонист, видит героя и спрашивает его: «Но как, Иван – гражданский сын, будем с тобой драться или мириться?» (*Звериное молоко и Победитель змея*), т. е. один персонаж ставит другого перед выбором агрессивной или неагрессивной модели поведения и принимает этот выбор [3, с. 122]. Герой выбирает бой, в сказке описывается соблюдение богатырского кодекса во время сражения: «Он ударил – до лодыжки в землю вбил. Иван ударил – три головы сшиб» [3, с. 123].

В сказке говорится об угрозе голодной смертью. Купец возвращается домой, вдруг из-под его парохода выскакивает доска с надписью: «Чё дома незнамо отдашь – пароход пойдёт, не отдашь – с голоду замрёшь!» (*Отдай, чего дома не оставил и Чудесное бегство*) [3, с. 148]. Купец решает, что, видимо, речь идёт о щенке, и подписывает договор кровью. Таким образом, в обмен на жизнь он отдаёт самое ценное – долгожданного ребёнка.

В русских сказках Забайкалья герои (и другие положительные персонажи) часто бывают осмеяны (и положительными, и отрицательными персонажами), когда оказываются не в состоянии сделать что-либо. Как это, например, происходит с героиней сказки на сюжет *Снегурочка*: девочка боится прыгнуть через костёр, потому что слеплена из снега. «Стали подружки смеяться» [4, с. 160]. Насмешка (и как следствие – признание другими персонажа хуже себя самих, исключение её из значимой для неё группы) более страшна, чем физическая гибель: Маша прыгает через костёр и тает. Причиной насмешки в сказке на сюжет *Шесть чудесных товарищей* является предположение группы персонажей о неспособности героя победить в соревнованиях. Другие претенденты смеются над героем: «Над ним все смеются, дескать, куда тебе с нами тягаться!» [3, с. 114].

Так и происходит в реальности: «*Эта царевна сразу, как вихрь, его обогнала. Все смеются*» [3, с. 114]. Любопытна реакция героя: он не обращает на насмешки внимания и в результате побеждает.

В других сказках насмешки женских персонажей над другими женскими персонажами связаны с неудачным замужеством, т. е. со сменой социального статуса на более низкий: «*Стала она заглядываться на Незнаюшку, а старшие сёстры над ней посмеиваются, дескать, выйдешь за него – стряпухой будешь*» (*Отдай, чего дома не оставил и Незнайка*) [3, с. 84]. В текстах Забайкалья встречается ожидание насмешки, которое, впрочем, не реализуется. Две ленивые сестры вышли замуж за паука и за волка. Их младшая сестра готовится к свадьбе с достойным женихом: «*Она же над нами будет смеяться!*» [3, с. 102] (СУС аналогий не даёт).

Ещё более популярен в сказках Забайкалья мотив агрессии, имеющий физическую реализацию. Он весьма разнообразен и продуктивен для развития сюжета. Чаще всего агрессия направлена на причинение персонажу физического ущерба в той или иной степени. Традиционным видом агрессии является избивание: избивают как положительных, так и отрицательных героев, при этом оценка действия (одобрение или осуждение) зависит от типа персонажа и сюжетной ситуации.

Избивание служит одним из показателей богатырской силы. Ванюшка-дурак, с помощью коня приняв образ богатыря, встречается в пути братьев: «*Подлетает к им, того плетью – раз! Другого – плетью!*» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [3, с. 62]. О реакции братьев на побои не говорится вообще (во взаимоотношениях героя и его старших братьев побои выступают своего рода показателем их изменения на противоположные). По возвращении домой побои от богатыря становятся единственным событием, о котором рассказывают персонажи (о том, что этот богатырь прыгал до царевны, они своим женам не сообщают): «*Вот, какой-то богатырь приехал, нас плетью выходил*» [3, с. 62]. Герой, прежде братьями унижаемый, спрашивает их, не он ли был тем богатырём. В ответ он слышит от старших братьев: «*Замолчи <...>, куда тебе!*» [3, с. 62].

Побой может наносить и антагонист, в этом случае они являются своего рода реакцией на отказ в его просьбе. Герой и два его побратима поселяются в лесной избушке. Иван Попович и Гориня уходят на охоту, а Дубыня остаётся дома. Вдруг появляется старик – сам с ноготь, а борода с локоть – и требует накормить его, но Дубыня отказывает. Старик же всё равно съедает всё мясо, «*Гориню скопил и отмял хорошенько*» (*Иван медвежье ушко и Три подземных царства*) [3, с. 128]. Затем то же самое происходит и с другим побратимом. Когда дома остаётся герой, то он угощает старика, но добавки не даёт. Старик хотел избить и героя, а «*Иван Попович, конечно, ему крепко поддал и выбросил за дверь*» [3, с. 129].

Любопытно, что избивать может и женский персонаж мужского персонажа, для русской сказки не характерно избивание одного женского персонажа другим женским персонажем. Герой приходит свататься к Василисе Прекрасной: «*<...> она с ним поговорила, а потом палкой стукнула – его схватили и бросили в тюрьму*» (*Животные-зятья, Приметы царевны, Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену*) [3, с. 107]. В этом случае царевна бьёт героя как власть имущая (она правит своим государством), в схожих сказках невеста, к которой сватается герой, – девица-богатырица, обладающая огромной физической силой.

Впрочем, и герой, не являющийся богатырём, может избивать других в наказание, если у него есть чудесная дубинка. Младший сын получает в качестве оплаты дубинку. Хозяева, у которых он остановился, хотят отнять и её, как они уже сделали это с чудесными предметами старших братьев. Но дубинка избивает антагонистов, и те возвращают подменных прежде золотого барашка и волшебный ковёр (близко к *Чудесные дары*). Избивание – законное средство восстановления власти мужчины в семье. Андрей с помощью волшебного кольца возвращает сбежавшую жену. В забайкальской сказке он приказывает избить её другим персонажам (кому именно, в тексте не обозначено): «*<...> велел отделать её плетью <...> – сразу шёлкова стала*» (*Волшебное кольцо*) [3, с. 198].

В сказке с контаминацией сюжетов *Отдай, чего дома не оставил и Незнайка* используется следующий мотив: герой, отданный антагонисту отцом, приходит к нему

и просит прощения за то, что так долго не появлялся. Только в забайкальском тексте он имеет необычную интерпретацию. Герой терпит побои, потому что антагонист не удовлетворён ответом героя на свои вопросы: «*Старик его ударил, он без памяти упал. Прележал минут двадцать, вот очухался. Старик повёл его дальше*» [3, с. 82]. Другими словами, герой демонстрирует антагонисту терпение и смирение, но это до поры до времени (именно подобная модель для героев русской народной волшебной сказки и не характерна: они или сразу защищаются, или терпят постоянно). Герой анализируемой сказки убивает старика исподтишка, когда тот нагибается к чану: «*Нагнулся, а Иван его – раз! – головой туды, в чан. Тот и сварился*» [3, с. 82]. Следует обратить внимание на то, что к подобной модели поведения героя советует прибегнуть помощник – ворон, и герой следует совету.

Избиение может быть представлено как форма посмертного наказания грешника. Герой по приказу царя отправляется на тот свет проведать его отца, которого и встречает, везущего воз дров. Умерший царь объясняет герою, что это ему наказание за издевательство над людьми (*Красавица жена, или Пойди туды – не знаю куда*). Далее по тексту мотив избиения на том свете используется ещё один раз – в качестве подтверждения достоверности слов. Пока герой разговаривает с умершим царём, его напарник возит на себе дрова вместо царя: «*Но и нахвошшали! Аж кровью полосы налились на спине*» (*Красавица жена, или Пойди туды – не знаю куда*) [3, с. 188].

Крайне редко в забайкальских сказках используется мотив мнимой агрессии, приписываемой другому персонажу. Герой трижды ночью ходит караулить могилу своего отца, каждую ночь он получает в подарок от покойника по чудесному коню, но братьям об этом не говорит. Напротив, он прибегает к обману, рассказывая о мнимой агрессии отца. Когда братья утром спрашивают, что ему дал отец, герой отвечает: «*А кого он мне даст? До церкви дубиной гнал!*» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [3, с. 66].

Реже в забайкальских текстах используются мотивы других типов членовредительства, например, отрубание пальцев рук и ног. Герой, победив антагониста, требует от царских зятьёв: «*Иван показал на убитого*

богатыря и говорит им: “За доклад царю давайте по мизинцу”» (*Отдай, чего дома не оставил и Незнайка*) [3, с. 85]. Братья соглашаются. Оно может быть представлено в сказке как издевательство (герой в обмен на чудесных животных обрубаёт братьям по пальцу с рук и ног). Когда же всё выясняется, герой объясняет царю, решившему казнить братьев за обман и присвоение чужого подвига: «*Я над имя издевался сам, чтобы вам доказать, что это я всё нашёл, поэтому я их прощаю, и вы их простите!*» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [3, с. 66]. Таким образом, заранее произведённое членовредительство сохраняет братьям жизни: они уже были наказаны героем (хотя в сказках на этот сюжет других регионов России членовредительство как издевательство не интерпретируется, оно представлено лишь как доказательство подвигов героя). Персонаж и по собственной воле может наносить вред своему телу. Богатый сосед из зависти к разбогатевшему бедняку выкалывает у себя глаз, чтобы и самому обрести богатство (*Горе*). Но жадность наказывается: он лишается и второго глаза.

Женскому персонажу приписывается такой вид членовредительства, как ошпаривание, при этом нужно учесть, что его появление возможно только в особых условиях и как самозащита. Иван женится на царевне, после они едут проведать его родителей. Герой хочет сыграть над родными шутку, поэтому он и не говорит им пока о своей женитьбе. Царевна идёт мыться в баню одна, Иван заявляет, что пойдёт к ней. «*Иди, иди, <...> она ошпарит тебя!*

Пошёл, а они все смотрят, что будет. Глазам не верят: царевна дурака впустила. <...> И выходит с царевной под ручку. А родные его дивуются» (*Победитель змея*) [3, с. 119].

В сказке Забайкалья представлен и такой вид физической расправы, как травля собаками. Она приписывается богачу, направляется на персонажей, не способных защитить себя. Богач ненавидел нищих: «*Только увидит и слугам ревёт: “Отпущайте собак! Пушшай гонят их, рвут!”*» (*Марко Богатый*) [3, с. 224].

Физической расправой власть имущих является лишение свободы, проявляющееся в том числе и в связывании. В сказке с контаминацией сюжетов *Звериное молоко* и *Победитель змея* герой, слыша рассказ

братьев о богатыре, пытающемся выполнить задачу царя, спрашивает их: «*А не я ли, братья, там был?*» [3, с. 69]. Ответ братьев содержит информацию о предполагаемой агрессии со стороны не обозначенных лиц, видимо, слуг царя. Братья считают, что герой незаслуженно присваивает себе чужие подвиги: «*Тебя свяжут, да и нам не уйду!*» [3, с. 69].

Весьма результативная для развития сюжета такая форма агрессии, как попытка убийства. Как правило, ее совершают антагонисты. Жених дочери не понравился царю, при этом обозначается и причина этого неприятия: «*Всё-таки царю нелюбо, что дочка за простого мужика пошла. Думат: “Я тебя допеку!”*» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [3, с. 66]. После этого следуют три задачи царя герою и его братьям: поймать кобылицу-златыницу о двенадцати жеребятках, свинку-золоту щетинку и золоторогого оленя. Братья покупают у героя чудесных животных и выдают царю за собственную добычу. В финале сказки царь собирается казнить Ванюшку, при этом сообщение о казни представлено как обоснованное решение (о нелюбви к герою речи не идёт вообще): «*А тебе <...> мой меч – твоя голова с плеч. Ты чё же не нашёл [чудесных животных]?*» [3, с. 66].

В другой сказке героя пытаются убить чужими руками. Так, Фома не понравился ни царю, ни царевне: «*Тогда царь Фому позвал и говорит ему: “Напал на наше королевство сосед-король с большим войском. Ты, как могучий богатырь, должен это войско перебить и короля прогнать”*» (*Три подземных царства*) [3, с. 133]. Герой, мнимый богатырь, побеждает в битве по чистой случайности. Следующее задание герою тоже кажется благородным: его отправляют в подземное царство к старику, который убивает людей и скот. Герой побеждает и его и возвращается домой.

В сказке на сюжет *Шесть чудесных товарищей* убийство жениха царем планируется исподтишка: он приглашает героя и его товарищей попариться в бане: «*А там прислуга стала топить печи. Всё жарче и жарче*» [3, с. 114]. Персонажи избегают гибели благодаря способности одного из них снижать температуру. Когда царь идёт лично убедиться в смерти героя, тот встречает его живым. Любопытно, что реакция царя не прописана: он ведёт себя так, буд-

то и не планировал убийства. После герой забирает царевну, а его помощник-силач – всё золото. «*Идут, а за ними топот: конница бежит. Это царь отправил армию, чтобы отобрали царску дочку и золото*» [3, с. 115]. На помощь приходит ветродуй – сдувает всю царскую армию.

В сказках Забайкалья представлена и попытка убийства в виде казни. Так, царь узнаёт, что его дочь пропала вместе с дворцом. Виновник определяется сразу – это муж царевны. Царь приказал его «*схватить и казнить за то, мол, что он куда-то его дочь вместе с дворцом утаделил*» (*Волшебное кольцо*) [3, с. 198]. Царевича, вступившего в связь с царевной, ждёт наказание: «*<...> его хотели повесить, казнить*» (*Деревянный орёл (голубь)*) [3, с. 199]. Благодаря своей смекалке он избегает смерти – вместе с царевной на деревянном журавле улетает к своему отцу.

В сказках Забайкалья представлен сговор двух персонажей: сестра с антагонистом хочет убить брата, при этом инициатором вновь является мужской персонаж. Сестра вступила в связь с нечистой силой, та ей сказала: «*Ты своёва брата уничтожь, а то нам покою не будет*» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [3, с. 120]. И сестра даже не пытается отстоять жизнь брата, она сразу спрашивает, как лучше это сделать. Лучшим способом, по мнению нечистой силы, является смерть от лесных зверей: сестра, имитируя грудную болезнь, поочередно отправляет брата за лисьим, волчьим и медвежьим молоком, но тот возвращается живым. Тогда за дело берётся сама нечистая сила: она является к Ивану и говорит, что съест его, тот оттягивает смерть, ожидая помощи от своих зверей. Герой топит баню сырыми дровами, потому что якобы старается для нечистой силы, чтобы та получила возможность съесть его чистым. Но появляются звери-помощники и разрывают нечистую силу.

Весьма своеобразно объяснение причины агрессивного поведения представлено в сказке с контаминацией сюжетов *Чудесная корова* и *Бегство от ведьмы с помощью бросания чудесных предметов*: мачеха пытается убить падчерицу и её жениха: «*А мачеха была злая ведьма. Она решила погубить падчерицу и Ивана-царевича*» [3, с. 94–95]. При этом её агрессия направлена только на царевича, принявшего об-

лицье утки, и Троеножку-бычка, ставшего селезнем, падчерицу же, оборотившуюся рекой, она не пытается уничтожить: «*Прибежала мачеха и давай их попадать камнями <...>*» (*Чудесная королева и Бегство от ведьмы с помощью бросания чудесных предметов*) [3, с. 96]. Поскольку агрессия антагонистки не достигла намеченной цели, то её ненависть направляется на другого персонажа: она проклинает падчерицу – три года рекою течь.

В сказках Забайкалья используется мотив убийства. Причины и способы весьма разнообразны, убивать могут как положительные, так и отрицательные персонажи. Причиной агрессии антагониста становится желание присвоить чужую добычу. Он убивает спящего героя (подобная модель – убийство спящего – характерна именно для сказок на сюжет *Царевич и Серый Волк*, причиной такого убийства становится прекрасная царевна): *Каша Бессмертный «увидал их, Ванюшку на куски растерзал, Елену Прекрасную забрал, золотогривого коня забрал с Жар-птицей <...>»* (*Царевич и Серый Волк и Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену*) [3, с. 91].

В сказке с женскими персонажами используется мотив смерти как наказания за нарушение запрета. Медведь женился на стариковой дочери и запретил ей заходить в третий амбар. Она нарушила запрет, он узнаёт об этом и убивает её, причем она сама по его приказу приносит оружие убийства:

– *Но-ка принеси топор!* – *Принесла топор.*

– *Клади голову на траву!* – *Положила.*

Он её зарубил, туловище забросил (Медведь и три сестры) [3, с. 141]. Любопытно, что персонаж и не пытается защищаться, она безропотно принимает волю антагониста. То же самое происходит со второй сестрой.

Довольно популярно в финале сказки убийство антагонистов, мнимых освободителей. Решение об убийстве в большинстве случаев совершается сиюминутно, в наказание за проступок. Но убийство антагониста может и планироваться. Герой приходит к Елене Прекрасной, похищенной Кашей Бессмертным, и договаривается с нею: «*<...> мы его напоим вином, а потом унесём*» (*Царевич и Серый Волк и Муж ищет исчезнувшую или похищенную*

жену) [3, с. 92]. Елена Прекрасная вводит Кашу в заблуждение, выдавая Ванюшку за своего брата, поэтому Каша принимает его как родственника – хлебосольно и открыто. Кашу ждала та же самая форма смерти, которой он какое-то время назад придал героя – расчленение: «*Каша Бессмертный выпил сорок бочек вина и опьянел. А Ванюшка велел дубинке его бить – дубинка его на кусочки измесила, рассеяла*» (*Царевич и Серый Волк и Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену*) [3, с. 92].

Как свершившаяся форма убийства представлена война. Войну зачастую объявляет царь, антагонист. Царь, узнав, кто женился на его дочери, «*объявил им войну*» (*Деревянный орёл (голубь)*) [3, с. 200]. Его сердце смягчилось, после того как нелюбимый зять и сбежавшая дочь прилетели на фронт вместе с новорождённым, а жена напомнила предсказание, которое всеми силами пытался предотвратить царь: «*Тебе ведь предсказали, что будет. Видно, такая судьба. Зови зятя и помирись*» [3, с. 200]. Если герой вдруг становится обладателем войска, то и он вступает в войну, при этом участие героя в войне является одной из форм защиты собственной жизни. Герой, заручившись помощью свата Наума, побеждает царя, решившего проверить вместе со своим войском, кто построил на острове дворец: «*Тут же поплыли по морю большие корабли, стали стрелять пушки – и все корабли царя потонули вместе с царем и всем его войском*» (*Красавица жена, или Пойди туда – не знаю куда*) [3, с. 190].

В некоторых сказках (с учётом юной или женской аудитории) происходит смягчение наказания: казнь приобретает юмористическую форму. На свадьбе царевна прилюдно заявляет, что её спас от змея не водовоз, а Иван. Царевна приказывает расстрелять водовоза, когда её спрашивают, что же с ним делать. «*Поставили на столб, расстреляли простокишей*» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [3, с. 124].

Сестра-антагонистка, мстя своему брату за смерть любовника, убивает его. Когда же его оживляют, решение о её наказании он с себя снимает. На вопрос, что делать с сестрой, отвечает: «*А вот вам совет: что хотите, то и делайте*» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [3, с. 125]. Далее сообщается о решении расстрелять сестру (кто

именно принимает это решение, остаётся за рамками повествования): «Посадили, простокишей расстреляли» [3, с. 125].

Используется в забайкальских текстах и такой тип агрессии, как людоедство. Этот мотив связан с персонажами-детьми. Баба Яга крадёт мальчика, чтобы приготовить его и съесть, но он защищается, прикидываясь простачком перед её дочерью (а после – и перед двумя другими её дочерьми), говоря, что не понимает, как правильно сесть на лопату. «Она села на лопату-то, он её в печку бухнул и заслон припёр. Она там зажарилась» (*Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка) у ведьмы*) [3, с. 148]. Людоедка, ничего не подозревая, съедает всех своих дочерей. После, защищаясь, Лутонюшка сжигает в печи и саму Бабу Ягу.

Мальчики, брошенные отцом в лесу на голодную смерть, приходят в дом к людоеду. Благодаря тому, что Мальчик с пальчик слышит разговор людоеда и его жены, он и его братья остаются живы. Герой совершил подмену перед убийством – снял с дочерей людоеда золотые капорки и надел их на своих братьев и на себя: старуха «всех девок в мешок побросала и утащила варить» (*Мальчик с пальчик у людоеда*) [3, с. 146].

А вот взрослым персонажам угрожают людоедством по другой причине, при этом перед ними ставится выбор. Падчерица по приказу мачехи отвезена отцом в безлюдное место. В избушку, где поселилась девушка, приходит медведь и предлагает ей сыграть в жмурки. Условие он ставит такое: «Если ты меня поймашь <...>, то какого хочешь товару и короб денег тебе дам. Ежели я тебя омману, то я тебя съем!» (*Мачеха и падчерица*) [3, с. 191]. Благодаря помощи мышки девушка выигрывает. Её сводная сестра не заручается помощью мышки, поэтому медведь обыгрывает её и съедает.

В сказке Забайкалья встречаются мотивы и других типов физического уничтожения, например, лишение свободы и ожидаемая голодная смерть, которую, впрочем, персонажу удаётся избежать. Разбойники, выданные Поторочей, сбежали из тюрьмы и встретили его в дороге. Их месть приобретает следующую форму: они его «изловили, раздели, в <...> бочонок посадили да звездами забили. Сами ушли» (*Мальчик с*

пальчик и На хвосте у волка) [3, с. 117]. Потороче удаётся выбраться на свободу благодаря собственной находчивости.

В сказках Забайкалья есть текст (*Мальчик с пальчик у людоеда*) со страшным для русского менталитета мотивом – инфантицида от собственных родителей. В семье голод, поэтому отец решает увести всех детей в лес и бросить их там на голодную смерть. Своё решение он объясняет жене: «Дома они всё равно с голоду умрут, а там хоть не на глазах» [3, с. 146]. Отец обманывает детей: он предлагает им сыграть в прятки и бросает их в лесу. Мальчик с пальчик помогает братьям найти дорогу домой. Весьма показательное поведение родителей: отец, только что бросив детей в лесу, убивает лося. Делается акцент на действиях, важных для сохранения собственной жизни, а потом уже позволяются эмоции: «Стаскал мясо домой, и стали они плакать с матерью» [3, с. 146]. Обращает на себя внимание следующее: родители даже не делают попытки найти детей и привести их домой, хотя возвращение нашедших дорогу сыновей вызывает у них радость. Любопытно, что когда заканчивается мясо, отец вновь отводит детей в лес на голодную смерть.

Разновидностью инфантицида (убийство от рук крёстного отца) можно считать попытку уничтожить младенца. Марко Богатый, проявляя мнимую доброту к младенцу на глазах других персонажей, пытается его уничтожить: заморозить в снегу, утопить в реке, а затем сварить в кипятке (уже взрослым) (*Марко Богатый*). Но герою все время удаётся выжить благодаря помощи других персонажей.

Кроме рассмотренных выше вариантов агрессии, направленных преимущественно на причинение телесного ущерба, в забайкальских сказках используется мотив особого вида лишения: у нее есть свобода, но больше нет ничего другого. Король-отец, увидев, что его незамужняя дочка непраздна, изгоняет ее: «<...> и даёт ей волчий билет: “Чтоб не было следу твоего”» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [1, с. 242]. Таким образом, за то, что царевна запятнала честь семьи, она лишается родственных связей, дома, статуса, гражданских прав, страны.

Итак, произведённый анализ позволяет сделать ряд выводов. Русская народная волшебная сказка Забайкалья являет со-

бой комплекс представлений нашего этноса о негативных межличностных отношениях, реализуемых посредством взаимодействия персонажей. Акцент сделан на продуктивной для развития сюжета агрессии, ненависть же лежит в основе некоторых её видов наряду со столкновением интересов и статусом персонажей, объясняющих их подчинённое или главенствующее положение. Агрессия, как правило, имеет незамедлительную реализацию, в то время как ненависть – более продолжительное во времени состояние, ей в большинстве случаев присуща скрытая форма. Если агрессивное поведение приписывается и отрицательным, и положительным персонажам, то ненависть – удел лишь отрицательных персонажей.

Агрессия, реализуемая в словесной форме, представляет собой оскорбления, угрозы, клевету, насмешку, что в межличностных отношениях работает на снижение статуса того, на кого они направляются, и, соответственно, повышение статуса того, кто их себе позволяет. Обращает на себя внимание следующее: агрессия в словес-

ной форме направлена против более слабого персонажа (интеллектом, духом, физической силой и пр.). Любопытно, что ответная словесная агрессия персонажам не свойственна.

Более распространена в русской народной волшебной сказке Забайкалья агрессия, имеющая физическую реализацию. Она, как правило, связана с нарушением целостности тела персонажа или его уничтожением. Агрессия – в большинстве случаев удел мужских персонажей, отрицательных и положительных. Она чаще всего направлена на мужских героев, если агрессия адресована женским персонажам, то это связано с восстановлением справедливости (как с позиции героя, так и с позиции его противника) в той или иной форме (наказание за нарушение запрета, самозащита, восстановление главенства мужчины в семье). Физически реализованная агрессия в некоторых случаях имеет ответную аналогичную реакцию, являющуюся по сути своей самозащитой. Ненависть реализуется через физическую форму агрессии.

Список литературы

1. Русские народные сказки Сибири о богатырях / сост. Р. П. Матвеева. Новосибирск: Наука, 1979. 303 с.
2. Русские народные сказки Сибири о чудесном коне / сост. Р. П. Матвеева. Новосибирск: Наука, 1984. 335 с.
3. Русские сказки Забайкалья / сост. В. П. Зиновьев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 352 с.
4. Русские сказки Забайкалья / подготовка текстов, ст. и коммент. В. П. Зиновьева. 2-е изд., доп. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 464 с.
5. Челдышова Н. Б. Шпаргалка по социальной психологии. М.: Экзамен, 2009. 47 с.

References

1. Russkie narodnye skazki Sibiri o bogatyryakh / sost. R. P. Matveeva. Novosibirsk: Nauka, 1979. 303 s.
2. Russkie narodnye skazki Sibiri o chudesnom kone / sost. R. P. Matveeva. Novosibirsk: Nauka, 1984. 335 s.
3. Russkie skazki Zabaikal'ya / sost. V. P. Zinov'ev. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1983. 352 s.
4. Russkie skazki Zabaikal'ya / podgotovka tekstov, st. i komment. V. P. Zinov'eva. 2-e izd., dop. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1989. 464 s.
5. Cheldyshova N. B. Shpargalka po sotsial'noi psikhologii. M.: Ekzamen, 2009. 47 s.

Статья поступила в редакцию 01.10.2014